

РОЗА Мишель Сапори БЕРТЕН

КУТЮРЬЕ
МАРИИ
АНТУАНЕТТЫ

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Мишель Сапори

**Роза Бертен. Кутюрье
Марии Антуанетты**

«Этерна»

2010

УДК 82-94
ББК 85.14

Сапори М.

Роза Бертен. Кутюрье Марии Антуанетты / М. Сапори —
«Этерна», 2010 — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

ISBN 978-5-480-00392-5

Роза Бертен была знаменитой модисткой французской королевы Марии Антуанетты. Она предвосхищает образ великого кутюрье – и можно с полным правом считать, что именно она была основоположницей этой профессии. Благодаря своему таланту модельера заслужила при дворе титул «министра моды». Книга о Розе Бертен на русском языке издается впервые. Для широкого круга читателей.

УДК 82-94
ББК 85.14

ISBN 978-5-480-00392-5

© Сапори М., 2010
© Этерна, 2010

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
Глава I	9
Глава II	26
Глава III	34
Глава IV	43
Глава V	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мишель Сапори

Роза Бертен: Кутюрье Марии Антуанетты

© Perrin, Paris, 2010

© А.А. Бряндинская, перевод, 2018

© А.А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2018

© Палимпсест, 2018

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2018

* * *

Предисловие к русскому изданию

Дорогие читатели! Перед вами книга, которая посвящена очень значимому, но по-прежнему малоизвестному в России персонажу – французской создательнице мод XVIII–XIX века Розе Бертен. Она жила в то далекое время, когда не существовало такого понятия, как «дом моды», и творцы не оставляли грифов со своим именем на созданных ими вещах. Вот почему сегодня невозможно опознать платья, выполненные Розой Бертен, личной модисткой королевы Марии Антуанетты. К тому же с тех пор прошло более двух столетий, и ткани, с которыми работала Бертен, часто шелковые, истлели, не выдержав испытания временем. Также не стоит забывать о том, что после французской революции 1789 года весь гардероб королевы Марии Антуанетты, которая была настоящей жертвой моды, практически полностью уничтожили.

Роза Бертен была самоучкой, она никогда не училась искусству создания мод, но являлась, безусловно, женщиной хваткой, практичной и коммерчески одаренной. Эти качества помогли простой «коробейнице», занимавшейся торговлей лентами и кружевом вразнос, приблизиться сначала к придворной элите, а затем и к самой королеве. Королеве требовалась посторонняя помощь, когда речь касалась ее гардероба. У Марии Антуанетты не было возможности самой ходить по модисткам и кружевницам.

За нее это делала Роза Бертен: подбирала элементы гардероба, которые соответствовали образу, характеру и вкусу королевы, и деньги за свои услуги брала немалые. Можно поэтому смело сказать, что наша героиня стала зачинателем профессии стилиста.

Какие же предпочтения были у Марии Антуанетты? Она очень любила нежно-розовые тона, как говорили в то время, «цвет бедра испуганной нимфы». Благодаря цвету волос ей шли песочные, пшеничные и охристые оттенки. Также среди любимых цветов королевы был голубой, который так гармонировал с цветом ее глаз.

Руководствуясь предпочтениями Марии Антуанетты, Роза Бертен составляла ей гардероб, а позднее перешла к исполнению заказов, ведь самой шить платья гораздо выгоднее, чем пользоваться работой других портних. Дом моды, который создала предприимчивая модистка, находился в центре Парижа, на улице Ришелье, и был рассчитан на 60 портних. Иначе говоря, Дом моды Розы Бертен соответствовал размаху современного дома высокой моды.

В лице Розы Бертен королева обрела подругу и полностью доверилась ее вкусу. Однако в окружении Марии Антуанетты нашлись откровенные ненавистники и противники Розы. Одним из них был личный куафер королевы Леонар, изобретавший для Марии Антуанетты невероятные прически из искусственных волос, то в виде кометы, то в виде башен, то в виде корабля... Леонар терпеть не мог Розу Бертен, чье влияние на королеву было велико, и самозабвенно интриговал против своей более удачливой коллеги.

Положение королевы заметно пошатнулось после истории с бриллиантовым ожерельем, украденным авантюристкой, которая выдавала себя за некую графиню де ла Мотт. Посулив кардиналу де Рогану особую милость королевы, интриганка предложила приобрести для нее уникальное ожерелье. От имени Марии Антуанетты она назначила ему тайное свидание в Версальском парке. Стоит ли говорить, что вместо самой королевы на это свидание явилась графиня. Спрятав лицо за вуалеткой, она вручила кардиналу письменный документ якобы с подписью королевы.

Тот начал выплаты ювелиру Бомеру через графиню и через нее же передал Марии Антуанетте ожерелье. Присвоив себе и деньги, и украшение, авантюристка скрылась. Когда весть о мошенничестве распространилась по всей стране, королеву стали обвинять в легкомысленном поведении, нисколько не сомневаясь, что она запросто могла назначить тайную встречу в Версальском парке.

Кроме этого Марию Антуанетту обвиняли в чрезмерной расточительности, любви к развлечениям и оторванности от жизни ее подданных, терпевших высокие налоги, неурожаи, голод... Когда королеве сообщили, что народ требует хлеба, она ответила: «Если у них нет хлеба, пусть они едят бриоши».

Ей было невдомек, что никаких бриошей у народа тоже не было.

А Роза Бертен, зная обо всех народных чаяниях и драмах, за облаками кружев и шелков скрывала от Марии Антуанетты истинное положение дел.

Большинство нарядов королевы не сохранились до наших дней.

Редкие исключения находятся в Музее Гальера, в Музее моды в Аргентине, в Метрополитен-музее в США, и даже в парижском Музее Карнавале хранятся туфли-мюли из нежно-розового шелка, принадлежавшие Марии Антуанетте. В начале XX века их передала в музей одна болгарская княгиня, а уж как эти туфли оказались у нее – загадка.

Роза Бертен прожила очень успешную и творческую жизнь.

Сегодня трудно судить, была ли она великим создателем мод, ведь иллюстративные доказательства ее работ не сохранились. Однако неоспоримым фактом является то, что в истории моды второй половины XVIII века с ней никто не мог сравниться.

При смене французского правительства возвысилась личность другого создателя мод – Луи Ипполита Леруа, портного, одевавшего императрицу Жозефину. Впоследствии Леруа сменил англичанин Чарльз Фредерик Ворт, о котором в этой же серии «*Mémoires de la mode* от Александра Васильева» ранее вышла книга «Век моды». Однако имена этих двух прекрасных творцов взошли и окрепли на почве, вспаханной Розой Бертен. Ведь портнихи существовали и до нее, но именно на пути нашей героини встретилась такая клиентка, как королева Франции, обожавшая наряжаться. Все, что случилось в этот период истории моды – увлечение англо-манерой, Турцией, пейзажным стилем, характерным для 1780-х годов, прошло через руки Розы Бертен, талантливой модистки, чувствовавшей вибрации стиля и веяния моды.

Александр Васильев,

Москва-Париж, 2018

Предисловие

5 марта 1779 года. Почти день в день за десятилетие до заседания Генеральных штатов¹ Людовик XVI и Мария Антуанетта въезжали в Париж. Торжественность королевских приездов в город была удвоена пышностью, обычно сопутствующей рождению принца или принцессы. Королевскую чету сопровождали двадцать восемь карет, в которых был собран весь цвет французской аристократии. Проехав по улице Сент-Оноре, процессия направилась к собору Нотр-Дам на мессу, посвященную долгожданному появлению на свет ребенка короля – Марии Терезы Шарлотты Французской.

В своей книге очерков «Картина Парижа» знаменитый свидетель той эпохи Луи Себастьян Мерсье так описывает эту атмосферу: «Королевский кортеж двигался по столице, искры летели из-под копыт коней, несущих на себе благородных воинов. Все принахлынуло к окнам, стараясь разглядеть сидящих в сверкающей карете». Какая-то женщина свесилась через перила выходящего на улицу Сент-Оноре балкона своей мастерской, в которой работали тридцать мастериц. Еще один современник, де Бомон, в своих «Секретных мемуарах» так описал эту сцену: «Ее Величество, проезжая мимо, воскликнула: “Ах! Вон мадемуазель Бертен“, – и тут же помахала ей рукой в знак благоволения, что вынудило ту ответить глубоким реверансом.

Король встал и аплодировал ей – еще один реверанс: вся королевская семья сделала то же самое, а придворные, проезжая мимо нее, в подражание своему господину отвешивали ей поклон... Подобные знаки внимания чудесным образом еще более увеличили уважение, которым, впрочем, она уже пользовалась».

Женщина, кому улыбалась королева, перед кем встал сам король и склонился французский двор, не была ни принцессой, ни герцогиней, ни даже маркизой или графиней. Та, кому предназначались эти почести, была простолюдинкой самого низкого происхождения. В те времена высокопоставленные и очень могущественные персоны падали ниц при появлении монарха, принцессы ссорились из-за места на табурете в покоях королевы, а принцы почитали за честь держать ночной горшок короля. Как же можно объяснить подобное нарушение принятого порядка?

¹ Генеральные штаты во Франции (фр. *États Généraux*) – высшее сословно-представительское учреждение в 1302–1789 годах. С 1614 до 1789 год Генеральные штаты снова ни разу не собирались. Лишь 5 мая 1789 года в условиях острого политического кризиса накануне Великой французской революции король созвал Генеральные штаты. – *Здесь и далее прим. ред.*

Глава I

О временах, когда Роза была Марией Жанной

2 июля 1747 года кюре Эрминье дописывал своим мелким убористым почерком: «Мария Жанна родилась около девяти часов вечера...» Закрывая ведомость гражданского состояния прихода церкви Сен-Жиль, он совершенно не был взволнован.

Ничего особенного – еще одна маленькая жительница Абвиля, которая в скором времени пополнит ряды прядильщиц мануфактуры Ван Робе, как и многие другие, ей подобные. Разве мог он даже предположить, что девочка станет одной из самых значительных создательниц моды всех времен? Что История превратит ее в «королеву» костюма Франции?

Публика была немногочисленна. Немолодой Николя Бертен, простой конный полицейский, ставший отцом в шестой раз. Рядом с ним стояла мать ребенка, Мария Маргарита, у которой от первого мужа были сын Жак Антуан и дочь Мария Маргарита Барба. Крестным отцом малышки стал Жак Антуан Дюра, ее сводный старший брат, к тому времени восемнадцатилетний, а крестной матерью – Мария Жанна Готро, чьим именем, как требовал обычай, была названа новорожденная.

В квартале Сен-Жиль в Абвиле традиционно селились солдаты и полицейские конной стражи, крыши домов украшали средневековыми коньками, над ними возвышались башни здания, по виду похожего на собор, ныне известный как церковь Святого Вульфрама. На его фоне и прошло детство «малышки Бертенов», ставшей самой младшей в семье после того, как брат Жан Лоран, родившийся двумя годами позже, умрет в младенчестве.

Портреты детей. Франция, неизв. худ., 1765

Хотя Бертены не жили в нищете, семья была ограничена в средствах. Положение ухудшилось после смерти Николя 24 апреля 1754 года в возрасте шестидесяти пяти лет. Когда семья лишилась кормильца, Марии Жанне было шесть лет.

Ее матери, Марии Маргарите, пришлось одной противостоять трудностям жизни. Некоторые из старших детей к тому времени разъехались: например, Луи Николя, которому был

двадцать один год, стал столяром в Амьене. А что делать с Марией Жанной? Тем не менее она получила образование, умела читать и писать.

В те времена Пикардия была текстильным краем, в ее городах процветало суконное производство, созданное Кольбером².

В Абвиле эта отрасль царила безраздельно, задавая ритм повседневной жизни. Мануфактуры столицы области Понтье производили тонкое сукно высокого качества, называемое абвильским дамастом³. Самой знаменитой была «Королевская мануфактура Рама», руководимая просвещенными капиталистами – семьей Ван Робе. На ней работали до полутора тысяч человек – значительная часть женского населения Абвиля и окружающих его деревень.

Толпы работниц каждый день переступали порог фабрики, где за ними присматривали мастерицы – голландские прядильщицы. Вполне закономерно, что Марии Жанне именно там предназначалось начать тяжелую трудовую жизнь.

Портрет женщины. Фрагмент.

Французская школа, 1765

Но все случилось иначе. Конечно, Мария Жанна стала работать в текстильном производстве, но только в области торговли, хотя проникнуть и туда бедному человеку было непросто.

Никто в этой немногочисленной семье, как с отцовской, так и материнской стороны, по-видимому, не работал в текстильной отрасли. Антуан Бертен, дед с отцовской стороны, был рабочим на ковровом производстве, а его супруга Мария Пинге, бабка по отцовской линии, – прядильщицей-надомницей, работа на дому была широко распространена в народной среде.

² Кольбер, Жан Батист – главный контролер (министр) финансов при Людовике XIV.

³ Дамаст – ткань (обычно шелковая), одно- или двухлицевая с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного переплетения.

Быть может, первой наставницей юной Бертен была двоюродная тетушка мадемуазель Барбье, продавщица женской одежды в Абвиле.

Свидетельств не сохранилось, поэтому мы можем лишь делать предположения на основе сопоставления нескольких архивных документов. Так, в письме господина Дюмона 1784 года, королевского судьи из Вимо, что в департаменте Сомма, читаем: «Я хорошо знал мадемуазель Барбье, продавщицу женской одежды в Абвиле, вышедшую впоследствии замуж за некоего г. Лежена, от которого она затем ушла, как мне рассказывали, чтобы уехать вместе с этой девицей Бертен... Я постараюсь уточнить, действительно ли они уехали»⁴.

Второй документ – нотариально удостоверенный акт, в котором указано, что у мадемуазель Бертен имеется тетя по имени Виктуар Барбье, «супруга господина Франсуа Лежена, скульптора из Абвиля»⁵.

Мария Антуанетта в юности. 1760-е годы

⁴ Библиотека коммуны Абвиля, каталог рукописей, № 284, с. 173.

⁵ Государственный архив, МС, ХСП, 169, 20 декабря 1786 г.

В конце 1755 года Мария Жанна в возрасте около девяти лет, как и многие ее сверстницы, стала «ученицей» – именно тогда в Хофтбурге родился пятнадцатый ребенок императрицы могущественной Австрии – будущая Мария Антуанетта.

Проходили годы. Способности Марии Жанны проявились очень быстро, и вскоре магазин Абвиля стал слишком тесным для этой одаренной девушки. Она решила покорить Париж! По свидетельству господ Амурет и Данеля, торговца бельем, «мадемуазель Бертен, умеющая искусно завивать и причесывать дам, отправилась в Париж, чтобы поселиться там и зарабатывать еще больше». Таким образом, первой профессией Марии Жанны было парикмахерское дело.

Можно предположить, что она покинула родной город около 1766 года, во времена казни известного шевалье де ла Барра, дворянина, почти ее ровестника, ставшего жертвой судебного произвола старого режима⁶. Толпа на паперти церкви Святого Вульфрама, месте ее детских игр, молчаливо взидала на казнь, когда «голос невинной крови», по выражению Вольтера, потряс погрязший в преступлениях город. Именно улица Сен-Жиль, где жила Мария Жанна, вела прочь из Абвиля. Ее мостовые с булыжниками в форме черепов, о которые все спотыкались, словно призывали абвильцев к путешествию. В справочниках того времени указывается, что в Париж, находящийся в тридцати пяти милях, кареты отъезжали каждую среду в пять часов утра. Значит, Мария Жанна, эта совсем еще молодая женщина, на заре прошла всю улицу до последнего поста почтовой станции, миновала крепостную стену, обозначающую границу города и расположенную за церковью, где ее крестили.

Париж – это целый мир! В нем многолюдно и все поражает своими размерами. Город с населением восемьсот тысяч душ рос за счет переселения жителей из соседних районов, таких как Пикардия. Самые яркие, умные, выносливые становились столичными обитателями и оставались там насовсем.

Эти переселенцы твердо верили в свою звезду, и такой была Мария Жанна.

Сразу после приезда она стала искать работу мастерицы по изготовлению женского платья. Но город щедр на развлечения и кишит опасностями, и совершенно естественно, что в нем можно повстречать самых разных людей – порядочных и бесчестных.

Зло и добро сосуществуют, нужно только уметь выбрать. А ведь именно из среды швей-мастериц и особенно свежеприбывших провинциалок пополняются ряды парижской проституции.

Такие девушки обычно разобщены, лишены всякой помощи и становятся легкой добычей. Действительно, спрос на профессии, связанные с изготовлением одежды, особенно нестабилен, и девушки могут внезапно оказаться на улице без всяких средств.

⁶ История наделала в Европе много шума. Этот юноша, жерва религиозной нетерпимости, из озорства или юношеского максимализма демонстративно сломал распятие. Его пытали, вырвали язык, отрубили правую руку, а затем обезглавили.

Свадебное платье. Франция, 1765. Из коллекции Института костюма Киото

Безденежье вынуждает их торговать своим телом, тем более что все они молоды, привлекательны, кокетливы и ухожены в силу профессиональных требований. Самые хорошенькие пользуются большим спросом. По словам Бомарше, эта «беда красивых женщин из народа» стала уже притчей во языцех.

Почтенные граждане со временем спешили выдворить молодых девушек, и через несколько лет те увеличивали когорту бывших любовниц, населявших бедные кварталы.

К счастью, Мария Жанна, по-видимому, не отличалась особенной красотой, и хотя у нее были правильные черты, бледный цвет лица, высокие и румяные скулы, она не привлекала к себе внимания.

Было ли где молодой женщине остановиться в Париже? Где она поселилась? Загадка. Вполне вероятно, что она не полагалась на случай и подготовилась к поездке. Прежние соседи, друзья или родственники вполне могли бы приютить молодую девушку, покинувшую родительский дом. Также вполне вероятно, что мадемуазель Барбье дала рекомендательное письмо своей юной родственнице, и у Марии Жанны в кармане был адрес торговца тканями или какой-нибудь продавщицы женской одежды родом из Абвиля.

Фрагмент женского портрета. Франция, 1765

Известно, что наша молодая пикардийка работала на набережной Жевр. На этот счет совпадают два свидетельства: запись в «Мемуарах» эльзасской баронессы мадам д'Оберкирш («Она появилась со своей набережной Жевр, где долго пребывала в неизвестности...») и несколько более пространное свидетельство Мерсье⁷: «Маленькая продавщица женского пла-

⁷ Мерсье, Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель, мыслитель-утопист.

тя со скромной набережной Жевр бросила вызов своим предшественницам...» Вышеуказанная набережная была застроена невзрачными маленькими лавками.

Неважно, где Мария Жанна нашла работу в самом начале, известно лишь то, что она вела типичную жизнь барышни-модистки, талантливо описанную Мерсье. «Вы можете их увидеть с улицы через окно, сидящими в ряд за стойкой. Они прилаживают помпоны либо другие модные пустячки, которые порождает и разнообразит мода. Вы беззастенчиво смотрите на них, и они отвечают вам тем же... Вы видите лишь марлю, перья, ленты, цветы и женские чепчики. Эти женщины, сидящие в ряд у стойки с иголками в руках, без конца бросают взгляды на улицу. От них не укроется ни один прохожий. Место у стойки ближе всего к улице всегда ценится как самое выгодное, потому что проходящие мимо мужчины всегда одаривают их многообещающими взглядами. Девушку радуют все взгляды, и она представляет себе этих мужчин своими любовниками.

Французские платья, 1766.

Из коллекции Института костюма Киото

Поток прохожих разнообразен, что подогревает ее удовольствие и любопытство. И эта сидячая профессия становится весьма сносной, когда сочетается с развлечением – смотреть и быть рассматриваемой... Иногда личико столь красиво, что оно затмевает надменную физиономию богатой дамы. Маленькая продавщица в скромном платье – против роскошного туа-

лета, в котором она не нуждается; ее прелести побеждают и затмевают все искусство богатой кокетки. Ухажер знатной дамы в тот же миг становится ей неверен; в уголке зеркала он ловит через свой лорнет отражение свежего ротика и розовых щечек малышки без роду и племени. Многим из них стоит только выбежать из магазина и вскочить в английское ландо... Только что она была барышней из лавки; через месяц она возвращается за покупками с высоко поднятой головой и торжествующим видом, и все это затем, чтобы заставить умереть от зависти бывшую хозяйку и дорогих подружек».

Роза Бертен. Париж, 1780-е годы.
Частное собрание

В последних строках описан путь, которым последовала графиня Дюбарри, урожденная Жанна Бекю, украсившая собой первую постель Франции⁸. А ведь Мария Жанна была всего на год моложе! Как и она, будущая фаворитка вышла из народа, а точнее, из семьи простой швеи.

⁸ Дюбарри, Мари Жанна (1746–1793) – официальная фаворитка французского короля Людовика XV.

Как и наша девушка из Абвиля, она начинала с того, что завивала и причесывала дам. Как и Мария Жанна, будущая графиня затем стала работать в принадлежащем чете Лабиль магазине женского платья на улице Нев-де-Пти-Шан. Ну и что? Достаточно взглянуть на портреты той и другой. По сравнению с хрупкой красотой Жанны, лицо Марии Жанны кажется некрасивым – угадываются зачатки второго подбородка, а силуэт грубоват.

Мадам Дюбарри. Фрагмент. Худ. Э. Виге-Лебрэн, 1781

«В этих лавках, – продолжает Мерсье, – попадаются и симпатичные мордочки, и некрасивые лица. Невольно приходит на ум мысль о гареме; одни подобны фавориткам султана, другие же – их надзирательницам». Не возникает никаких сомнений относительно ролей Жанны и Марии Жанны, этих двух гризеток, совершивших исключительный взлет, приведший разными путями обеих в Версаль. В начале весны 1768 года Жанна стала любовницей короля. Примерно

в ту же эпоху Мария Жанна покинула набережную Жевр и перешла в роскошное торговое заведение в знаменитом средоточии французской элегантности – на улицу Сент-Оноре.

По этой широкой артерии в городе распространялось богатство, и только улица Сен-Дени, бывшая королевская дорога, по которой проезжал король, отправляясь в базилику того же имени, могла как-то с ней соперничать. Там Мария Жанна поступила на работу в заведение «Галантная линия», имевшее в то время репутацию законодателя моды. «Если вы разбираетесь лишь в тканях и пошиве одежды, покиньте Академию и станьте продавщицей в лавке “Галантная линия” или поступите к мастеру-закройщику в районе Оперы!» – говорил Дидро наследному принцу в 1767 году⁹. Следует подчеркнуть, что документального подтверждения об этой должности в карьере Марии Жанны Бертен нет, и мы можем судить об этом лишь предположительно.

⁹ Дидро Д. Полное собрание сочинений. Т. 7. Париж: Французский книжный клуб, 1969, с. 247.

Фрагмент женского портрета. Худ. А.Р. Менгс, 1765.
Музей Прадо, Мадрид

Портрет дамы. Фрагмент картины худ. Ж.-Л. Давида, 1765

Без единого су, но руки золотые. Некрасива, но обладает чувством прекрасного. Трудолюбива, ловка, предпочитает хорошо исполненные изделия и отличается добросовестным отношением к своей работе – вот качества, которые смогли бы заинтересовать хозяйку «Галантной линии», стремившуюся нанять самых лучших работниц. Эту опытную продавщицу женской одежды звали Мария Катерина Пеклёр, в просторечии Пажель. Ее прежняя хозяйка Женестьева Элизабет Бюффо, владевшая ранее «Галантной линией», в то время как Пажель была там первой продавщицей, в марте 1766 года взяла ее в компаньонки, создав командитное товарищество «Пажель и К^о»¹⁰. Счастливый случай позволил Марии Жанне продемонстрировать свои способности – мадемуазель Пажель доверила ей заняться свадебной одеждой Луизы Марии Аделаиды де Бурбон-Пентьевр, которая выходила замуж за герцога Шартрского 5 апреля 1769 года. В подобном случае день церемонии может стать прекрасным стартом для

¹⁰ Подробнее см. работу автора «От мадемуазель Бертен к Розе Бертен: историческая судьба персонажа» в сб.: Роза Бертен, министр моды Марии Антуанетты. Париж: Французский институт моды, 2003, с. 159–168.

человека, стремящегося к успеху. Стоило мадемуазель де Пентьевр появиться облаченной в очень красивое платье из тяжелой матовой серебряной ткани, по которой была проложена блестящая серебряная сетка, имя создательницы этого платья новобрачной стало передаваться из уст в уста в толпе, собравшейся на пути следования свадебной процессии.

Фрагмент веера со свадебным сюжетом, 1770.
Фонд Александра Васильева

Фрагмент парадного платья Марии Луизы Пармской на портрете худ. Лорана Пешо, 1765

Так Мария Жанна одержала при дворе свою первую победу.

Теперь клиентура требовала только ее! Мадемуазель Пажель пришлось сделать ее своей компаньонкой, что позволило Марии Жанне через некоторое время открыть собственный магазин.

Выйдя замуж за Филиппа, ставшего герцогом Орлеанским после смерти своего отца в 1785 году, кузена короля и будущего Филиппа Эгалите, дочь герцога Пентьеврского стала первой принцессой крови. Мария Жанна оказалась под ее покровительством.

Замечательный трамплин!

Судя по сохранившимся бухгалтерским книгам, в 1773 году Мария Жанна Бертен открыла собственный магазин одежды «Великий Могол» (Le Grand Mogol) на улице Сент-Оноре «напротив монастыря Сент-Оноре», в приходе Сен-Жермен-Осерруа. Там и началось ее головокружительное восхождение к славе.

С этого момента мы станем называть ее по имени, данному ей Историей, – Роза.

Это имя применительно к Марии Жанне не упоминается в письмах, мемуарах, газетах и нотариальных актах той эпохи. Ее назовут Розой в следующем веке. Разве можно было ей называться заурядной Марией Жанной? В XIX же веке предпочитают говорить о столь выдающейся модистке, называя ее более приятным, изысканным и звучным именем – возможно, в честь любви Марии Антуанетты к цветам.

Луиза Мария Аделаида, герцогиня Орлеанская. Фрагмент.
Худ. Э. Виге-Лебрэн, 1789

Время, как и полагается, его утвердило¹¹.

¹¹ Мы предпочли определение *couturiere* (кутюрье) в оригинальном названии этой книги, стремясь более полно отразить личность Розы Бертен, потому что она предвосхищает образ великого кутюрье – и, вне всякого сомнения, является основоположницей этой профессии – но в ее время она называлась модисткой или торговкой модными изделиями.

Глава II

Старомодная дофина

Императрица Мария Терезия решила выдать замуж свою младшую дочь Марию Антуанетту за наследника французского трона и наметила свадьбу на начало ноября 1768 года. Нужно было все подготовить, и она поручила своему послу графу Мерси д'Аржанто заняться предварительными переговорами о приданом дочери. При австрийском дворе, как и при других европейских дворах, стремились следовать французской моде и поэтому наняли французских швей, чтобы невеста была на высоте.

Мария Терезия даже вызывает из Парижа специалистов по созданию внешнего облика, среди которых парикмахер по имени Ларсонёр, в чьи обязанности входило не только одевание будущей дофины, но и длительные беседы с нею. Хотя Марию Антуанетту трудно было назвать красавицей, у нее имелись другие козыри.

Она была высокого роста для своего возраста, очень тонкая, но не истощенная, с ладной пропорциональной фигурой – просто находка для портных. У нее были светлые густые волосы приятного оттенка, гордая посадка головы, как будто созданной для роскошной прически – большое удовольствие для профессионалов. С легкой походкой – это за ней признавали всю ее жизнь, – она обладала прекрасной внешностью, чтобы олицетворять собой моду, что вскоре и принесет удачу мадемуазель Бертен.

Через восемнадцать месяцев подготовительной суеты, в четверг 19 апреля 1770 года, в церкви Августинки в Вене с большой пышностью состоялось бракосочетание по доверенности¹²: молодая эрцгерцогиня появилась облаченная в платье из серебряной ткани с длинным треном.

¹² Жениха представлял эрцгерцог Фердинанд.

Фрагмент портрета дофины Марии Антуанетты. Худ. Ф.-Ю. Друэ, 1770. Музей Принцев Конде, Франция

В апреле же произошел отъезд Марии Антуанетты во Францию в сопровождении французской и австрийской свит. И в обеих были люди, в обязанности которых входило следить, чтобы туалет будущей дофины был безупречен: двое дамских портных с австрийской стороны; парикмахерша, прачка, девушка при гардеробе с французской стороны. Дофина въезжает в Страсбург, где должна состояться передача. На нейтральной территории, в предусмотренном на этот случай павильоне на острове посреди Рейна, она снимает одежды, сшитые в Вене, и надевает те, что были изготовлены в Версале и Париже. Это символическое действие предписывалось обычаем: меняя свои одежды, будущая королева Франции оставляет родину, чтобы служить лишь интересам принимающей ее страны. Двери распахиваются: появляется Мария Антуанетта, одетая как француженка, в великолепном наряде, присланном из Франции.

Это свидетельство мадам д'Оберкирш, которая отнюдь не беспристрастно продолжает: «...Она показалась в тысячу раз более красивой». С этого дня австрийская эрцгерцогиня Мария Антония становилась дофиной Франции Марией Антуанеттой. Королевская семья встретила Марию Антуанетту в Компьенском лесу. Из Компьена дофина отправилась в Париж «сквозь двойной ряд карет парижских дам с каждой стороны, что произвело замечательное впечатление, свидетельствуя о величии столицы», как описывает в своем дневнике герцог де Круай. Большинство туалетов этих дам вышли из «Галантной линии» и, следовательно, отчасти являлись произведением работницы Бертен.

Декорации расставлены. В Версале гардеробом Марии Антуанетты занимается персонал, который достался ей от королевы Марии Лещинской. После смерти супруги Людовик XV решил сохранить свиту королевы, и все, кто прежде состоял в ней, возобновили свои функции при Марии Антуанетте.

Именно так при дофине оказалась герцогиня Виллар, дама, ведающая ее одеванием. Она была назначена к Марии Лещинской в 1742 году, почти тридцать лет тому назад! Иными словами, вопреки ее желанию дофина оказалась вне моды.

Мадам де Виллар выбирала модисток для Марии Антуанетты среди тех, с кем она привыкла работать. В августе 1769 года она подписывает распоряжение о создании гардероба будущей дофины. Имя мадемуазель Бертен там не упоминается – она никогда не одевала дофину. Эта обязанность перешла к Элене Елизавете Филидор, одной из модисток королевы Марии Лещинской – возможно, главной. Она держала магазин в Париже вместе со своей сестрой Марией Маргаритой и принадлежала к известному семейству Даникен-Филидоров, французских музыкантов на службе короля. Самый старший, Мишель (1600–1659), музыкант из «Большой конюшни» Людовика XIII¹³, был ее прадедом; Андре (1647–1730) – библиотекарь из музыкальной библиотеки Людовика XIV, был ее отцом; и самый знаменитый, Франсуа Андре (1726–1795), известный также как шахматист и композитор музыки барокко, был ее братом.

Как же относилась Мария Антуанетта к моде, когда еще была дофиной? Ведь став королевой, по словам графини де Буань, она прониклась «страстью к моде», для нее «быть красивой и самой модной женщиной казалось самым желанным титулом»; она не могла забыть увлекшую ее роль законодательницы моды.

У ее матери были свои информаторы, австрийцы – соотечественники, бывавшие во Франции проездом, от которых она узнавала новости, впрочем, далеко не всегда приятные.

Например, мать писала дочери, что знает от «Виндихгретц, которая мне призналась, что вы не следите за собой и даже плохо чистите зубы». Таким образом, Марии Антуанетте рекомендовалось пользоваться зубной пастой, которую производил и поставлял двору Дюлак, известный парфюмер с улицы Сент-Оноре.

Ее состав был рекомендован королевским дантистом Капроном, и ею обычно пользовалась семья Людовика XV. «Это самое главное, как и талия, объем которой увеличился.

Вы переживаете период формирования. Это самый критический момент. Еще она сказала, что вы плохо одеты, и она осмелилась заметить это вашим дамам».

Раздосадованная, мать упорно возвращается к этой теме в своих письмах осенью 1770 года: «Я очень много говорю ей о жестких корсетах (с китовым усом) и о талии, сообщая ей, что является совершенной правдой, что я видела чье-то письмо из Бельгии, кто нашел, что она плохо одета и талия не в порядке».

¹³ Имеется в виду оркестр духовых инструментов для кавалерии короля.

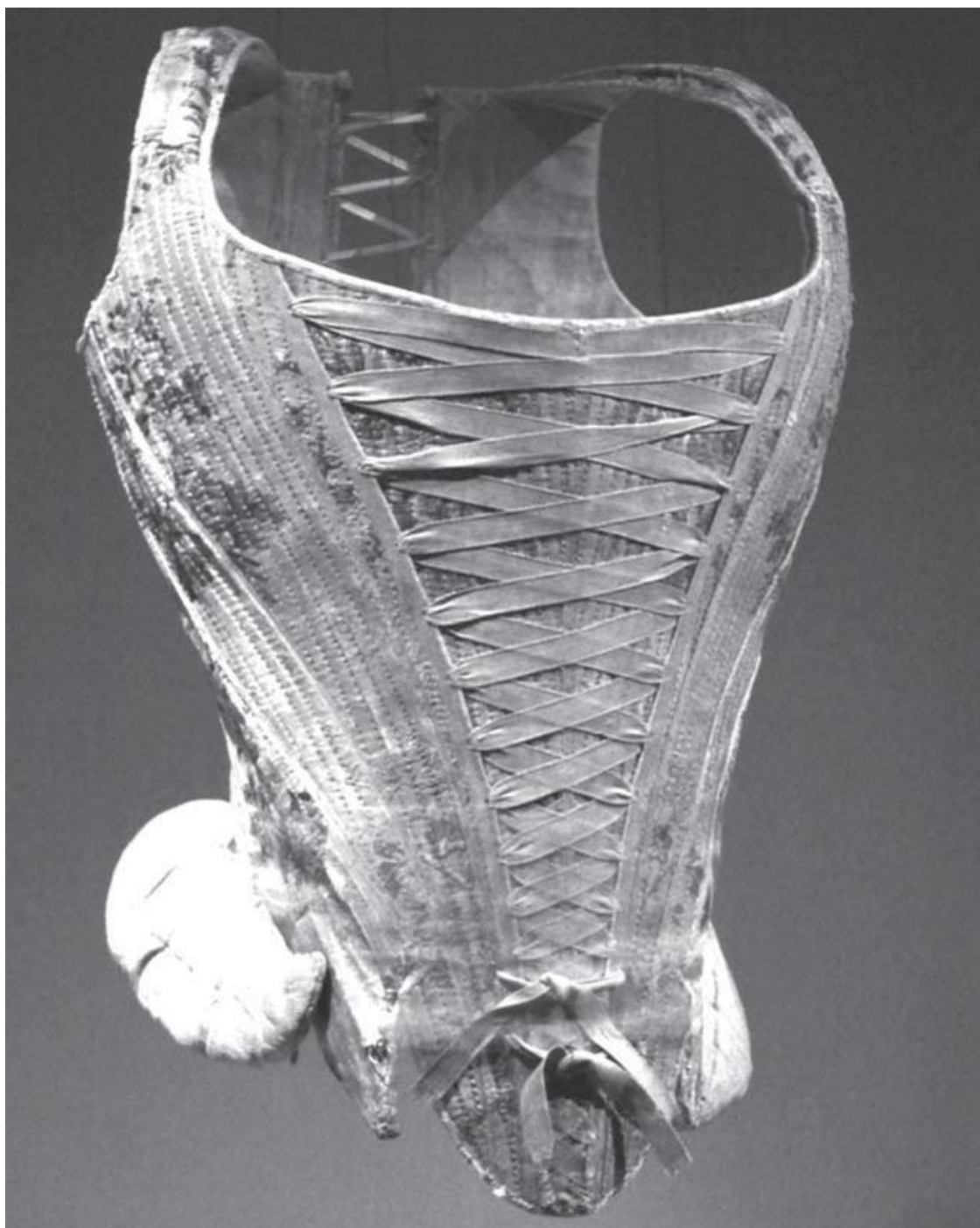
Мария Антуанетта, дофина Франции. Фрагмент.
Худ. Ж. Дюкре, 1769

Посол Мерси признавал, что дофина «немного поправилась», словно забыв, что она еще совсем молодая девушка и фигура ее только формируется. Он находит ее «выросшей и потолстевшей» и приписывает такое состояние – что нынче удивительно – «постоянным прогулкам, совершаемым ею пешком или верхом на осликах». Граф Мерси понял, что Мария Антуанетта

огорчена тем, что ее фигура расстраивает мать, и позволил себе вмешаться в сугубо женскую проблему: «Я убедил дофину, что опасения относительно ее талии не были лишены основания и что поэтому использование корсета было неизбежно. Я коснулся также других предметов одежды, гигиены, всего, что может послужить очень важным способом понравиться королю и дофину». Так стало известно, что юная дофина пытается избежать пресвятого и мучительного корсета с китовым усом. Как это всем понятно! Но не императрице Австрии, ведь на кон поставлены важные вещи: «Успокойте же меня насчет того, что вы носите корсет, я опасаясь, вы потолстели до такой степени, что у вас талия женщины, хотя вы ею в действительности еще не стали». Брак еще не совершился, и Мария Терезия знает, что худшим позором было бы подозрение, что Мария Антуанетта беременна, хотя она просто поправилась! Несмотря на заверения дочери, Мария Терезия сомневается, что та регулярно носит чрезвычайно стеснительные французские корсеты с китовым усом. Она предлагает ей заказать корсеты у австрийских портных: «Вы мне говорили, что иногда носите одежды из вашего приданого: какие из них все еще сохранились у вас? Я подумала, если бы вы захотели прислать мне ваши точные мерки, я бы заказала здесь корсеты и прислала вам с почтой. Говорят, парижские слишком строгие».

Корсет, 1780. Фонд Александра Васильева

Корсет. Франция, 1780. Музей костюма, Лос-Анджелес, США

Всегда очень властная в отношениях с дочерью – она ведь серьезно переживала за ее успех, – Мария Терезия твердо дает советы по поводу ее внешности: «Я вас прошу, не позволяйте себе распускаться; в вашем возрасте этого не следует делать, и еще меньше в вашем положении; это повлечет за собой нечистоплотность, небрежность и даже безразличие во всех остальных действиях, и это станет вашим несчастьем; именно по этой причине я вас мучаю, и мне было бы трудно предотвращать малейшие обстоятельства, которые могли бы вас вовлечь в пороки, в которых вся Французская семья погрязла уже давно. Они добры, доблестны для себя самих, но не созданы ни в коей мере, чтобы блистать, задавать тон... Я вас прошу как друг и как ваша нежная матушка, которая знает, о чем говорит, не давайте себе проявлять ни малейшей небрежности в отношении ни вашей фигуры, ни внешнего вида. Вы пожалеете, что

пренебрегали моими советами, но будет поздно. Только в этом отношении не берите пример и не слушайте советов семьи. Тон в Версале должны задавать вы...»

Вскоре Мария Антуанетта вместе с мадемуазель Бертен с лихвой воспримет этот урок, и у бедной императрицы появятся другие причины для смятения...

Глава III

Помешательство от «Кезако» и «Сентиментальных пуфов»

10 мая 1774 года, после смерти Людовика XV, Мария Антуанетта стала королевой. Ей было тогда девятнадцать лет, и в этом возрасте уже не слушаются матери. Тетушки ее мужа подхватили оспу у смертного одра короля. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы совсем молодой король в двадцать лет тоже заразился. Было решено его удалить, изолировать. В пятницу, 20 июня, королевская чета отправляется из Мюэтта в Марли.

Предполагалось, что трое внуков Людовика XV получают прививку против этой болезни и останутся там выздоравливать до первых чисел августа, когда состоится отъезд в Компьен.

В этот период некоторые из жен аристократов будут официально представлены новой королеве. Одна из этих встреч, самая определяющая для будущего государыни, прошла незаметно.

Это была встреча с Розой Бертен.

Со времени приезда в Париж Бертен сделала карьеру и создала свою собственную мастерскую и магазин под вывеской «Великий Могол». Резиденция герцогини Шартрской располагалась совсем неподалеку от магазина, напротив, в Пале-Рояль, и Роза Бертен обычно лично приносила ей ее туалеты. Однако известно, что герцогиня находила удовольствие в поощрении молодых талантов. Бьемся об заклад, что произошедшее с Розой в чем-то подобно продвижению мадам Виж-Лебрен¹⁴.

В своих «Воспоминаниях» она рассказала следующее: «Герцогиня приказала пригласить меня к себе, чтобы я написала ее портрет у нее дома. Она поделилась со всеми, кто ее окружал, своим крайним расположением к моему молодому таланту. Поэтому я сразу же встретила с великой и прекрасной графиней де Брионн и ее дочерью, принцессой Лотарингской, а потом и со всеми знатными дамами двора».

Возможно, нечто подобное происходило и с магазином Розы Бертен, о чем рассказывает в своих «Мемуарах» Казанова. Выйдя из Пале-Рояль, он увидел толпу народа перед бутиком с названием «Циветта» и спросил у сопровождавшего его приятеля:

¹⁴ Виж-Лебрен, Мари Элизабет Луиза (1755–1842) – французская художница-портретистка, популярная среди французской знати. Рисовала королеву Марию Антуанетту, которая очень высоко оценила портрет, а в 1783 году оказала, со своей стороны, определенное давление на французский художественный истеблишмент, с тем чтобы Виж-Лебрен была благополучно избрана в члены Королевской академии живописи и скульптуры.

Мария Антуанетта с розой. Фрагмент. Худ. Э. Виже-Лебрэн, 1783

- Что здесь происходит?
- На этот раз вы посмеетесь! Все эти простаки ждут своей очереди, чтобы наполнить свои табакерки.
- А разве нет других торговцев табаком?
- Да его продают повсюду; но вот уже три недели как все желают табак исключительно из «Циветты».
- Он здесь лучше, чем в других местах?
- Может быть, он и хуже, но с тех пор, как герцогиня Шартрская ввела его в моду, никто не желает другого.

– Но как она это сделала?

– Остановила здесь свой экипаж два или три раза, чтобы наполнить табакерку, заявляя молодой продавщице, что их табак лучший в Париже. А зеваки, которые никогда не пропускают возможности собраться у дверцы кареты принца, даже если они его видели сто раз или даже если им было известно, что он страшен как обезьяна, повторяли повсюду слова герцогини. Этого было достаточно, чтобы распространить новость среди всех нюхальщиков табака столицы! Эта женщина разбогатеет, потому что она продает более чем на сто экю табака в день.

– Герцогиня, конечно, не подозревает, какое благо она ей сделала?

– Напротив, с ее стороны это военная хитрость. Герцогиня принимает участие в этой недавно вышедшей замуж женщине и желает ей добра на деликатный манер, и она придумала этот способ, который ей прекрасно удался¹⁵.

Точно так же заказы начали поступать и к Розе Бертен, чья торговля с каждой рекомендацией все более процветала.

В замкнутом кружке торговцев украшениями для знати, которые принимали новичков с неохотой, эта модистка сделала себе имя. Роза Бертен завоевала герцогиню. Чтобы стать первой, теперь ей надо было завоевать королеву.

Тем временем, вскоре после выхода «Севильского цирюльника», Бомарше переиздал свои «Мемуары», второе издание которых разошлось с такой же быстротой, как и первое.

В них содержалась сатира на некоего господина Мартена посредством выражения «Ques-a-so?»¹⁶, что означает «Что это такое?». Это напевно звучащее прованское выражение, приписка, так сильно понравилось юной смешливой австриячке, что она его переняла, часто повторяла, и оно стало прибауткой при дворе, замечает 26 марта 1774 года историк Башомон¹⁷. Затем он добавляет, что модистка придумала воспользоваться случаем, «изобрела прическу и назвала ее “Кезако”». Это был султан из перьев, который молодые женщины носили в затылочной части головы». Этой модисткой была Роза Бертен.

¹⁵ См. *Казанова Дж.* Мемуары Жака Казановы де Сенгали. Париж: Полен, 1843, т. I, с. 549.

¹⁶ Произносится как «кезако».

¹⁷ Башомон, Луи Пти де (1690–1771) – французский писатель, принадлежал к компании светских людей и литераторов, собиравшихся в салоне мадам Дюбле.

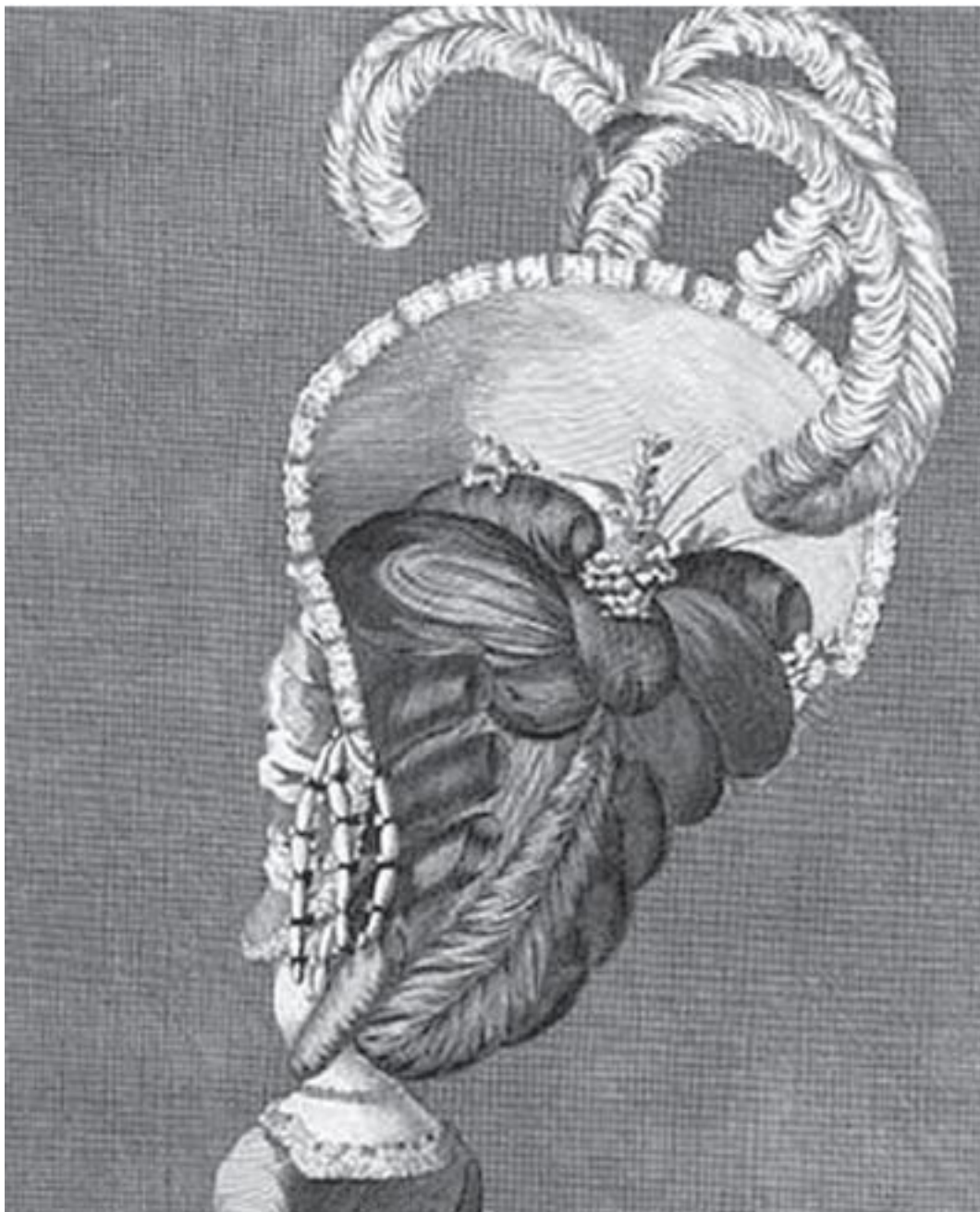

Мода времен Марии Антуанетты.
Прическа а-ля «Кезако», 1770-е годы

Придуманная ею игривая прическа, так же как и источник ее вдохновения, создавала шум волчка и завоевала «особое покровительство» со стороны графини Дюбарри. Не прошло и месяца, как Роза Бертен повторила свой успех, создав новое произведение, и тот же Башомон замечает 26 апреля 1774 года, что на смену «Кезако» приходит другая прическа, названная «Сентиментальный пуф». Пуф – потому что в прическу можно засунуть разнообразные предметы; сентиментальный – потому что эти предметы должны напоминать то, что вам больше всего нравится»; он подчеркивал, что «все женщины без ума от этой смешной прически».

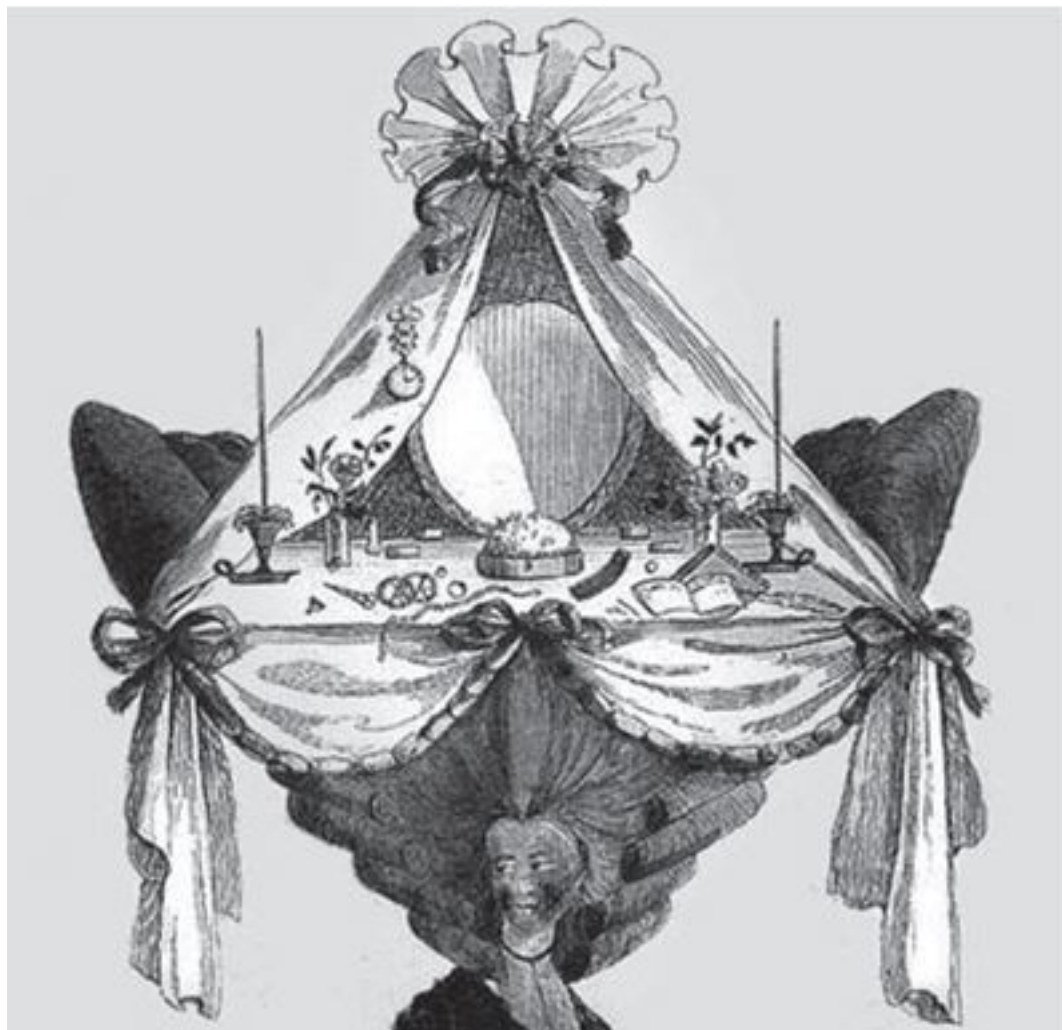
Карикатура. Парикмахер, делающий новую прическу молодой женщине перед надеванием головного убора, изготовленного модисткой

Прическа и головной убор, 1775

В частности, для герцогини Шартрской Роза Бертен сделала пуф, в который поместила изображения ее попугая, любимого негртенка и ее сына Луи Филиппа, грудного младенца (будущего короля Луи Филиппа).

И над всем этим царили пряди волос ее мужа герцога Шартрского, ее отца герцога Пентьевра и герцога Орлеанского, ее свекра. Вероятно, в тот день, когда герцогиня явилась в Версаль со своей «биографией» на голове, Мария Антуанетта пожалела, что не может, будучи дофиной, ничего решать в своей жизни, даже не может выбрать разбирающуюся в моде портниху, и безнадежно обречена носить вышедшие из моды и навязанные ей туалеты.

Карикатура на модную прическу «Туалетный столик», 1780-е годы

Мария Антуанетта. Фрагмент.
Худ. Э. Виж-Лебрен, 1772

Но вот она стала королевой! Момент подходящий: Марли позволил расслабиться, и новоиспеченная королева ввела некоторые изменения во внутренний распорядок своих апартаментов. Именно тогда герцогиня Шартрская наносит ей неформальный визит, свободный от дворового этикета.

Она появляется вместе с Розой Бертен в составе своей свиты, и та сознает, что на кон поставлено ее будущее. Эта сцена, точную дату которой нам установить не удалось, могла происходить между 20 июня и 30 июля, судя по переписке Марии Антуанетты. Она подтверждается мемуарами мадам Кампен, главной горничной королевы, которая припомнила, что это случилось «при первом путешествии из Марли, когда герцогиня Шартрская, с тех пор герцогиня Орлеанская, представила в покоях королевы мадемуазель Бертен, модистку, как раз в то время ставшую знаменитой благодаря полной перемене, произведенной ею в украшении французских дам».

С этого дня Роза Бертен становится штатной поставщицей королевы, а в городе к ней стали обращаться исключительно уважительно – «мадемуазель Бертен».

Глава IV

«Именем королевы»

Наконец Мария Антуанетта могла действовать! Людовик XVI поручил ей организацию развлечений при дворе.

И она вложила в это все свои силы: каждую неделю давались два бала, из них один – костюмированный – в понедельник, и два театральных представления.

Развлечения следовали одно за другим без передышки, а за ними – ночные бодрствования, необходимые для подготовки туалетов. Дела мадемуазель Бертен пошли в гору. Мария Антуанетта увеличивает количество сеансов примерок с молодой модисткой.

Людовик XVI. Фрагмент. Худ. Ж. Дюплесси, 1775

Вначале это были обычные визиты: два дня в неделю, в назначенное время. К ним прибавились чрезвычайные встречи, в связи с необыкновенной частотой праздников. Плюс все те случаи, когда королева призывала мадемуазель Бертен для переделок в последнюю минуту. Туалет уже надет, и вдруг нужно было что-либо поправить, ведь нет предела совершенству!

По свидетельству современника, это происходило, так же как во времена тех «пасхальных воскресений, между пятью часами пополудни и семью часами вечера, когда мадемуазель Бертен посреди вороха лент и органди¹⁸ находилась в ожидании в покоях королевы». Модистка приходила на каждое заметное событие в жизни двора, чтобы представить свою работу и получить заказы Марии Антуанетты. Графиня д'Адемар в своих воспоминаниях уточняет, что такой порядок твердо установился, за исключением нескольких первых месяцев после 6 октября¹⁹. Это означает пятнадцать лет (!) практически ежедневных встреч в почти интимной обстановке. Конечно, при этом с неизбежностью возникают связывающие людей узы – даже между королевой и модисткой. Государыня требовательна и всегда желает, чтобы ее обслужили незамедлительно, поэтому Роза Бертен была вынуждена переехать в Версаль. Где происходили эти встречи? Поразительно, но во внутренних покоях королевы, вопреки строгим дворцовым правилам, это запрещавшим. Никому не позволялось вторгаться в интимную жизнь королей. Однако Мерси имел основания писать, что мадемуазель Бертен вхожа в королевский дворец и там ее приветливо встречают. Модистка проходит через охрану в покои, в которых пока еще не появилась высокопоставленная знать.

¹⁸ Органди – очень тонкая жесткая прозрачная ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением. Из органди шили жабо и другие отделки.

¹⁹ Имеется в виду 6 октября 1789 года, когда при нападении черни на Версаль жизни Марии Антуанетты угрожала серьезная опасность.

Фрагмент портрета Марии Антуанетты худ. Э. Виже-Лебрен, 1770-е годы

Там обсуждаются платья, покрои и фасоны, делаются замечания насчет прически. «Ее Величество украшало особое изящество в придачу к тому, чем одарила ее природа». Мария Антуанетта изменяет внутреннее устройство своих покоев, приказав отделить личный кабинет от всех остальных помещений. Как сообщает нам в своих мемуарах Катерина Брольо Солари, дама-компаньонка принцессы де Ламбаль²⁰, делает она это для того, самой, чтобы «можно было

²⁰ Мария-Тереза-Луиза Савойская, принцесса де Ламбаль (1749–1792) – французская аристократка, подруга королевы Марии Антуанетты.

одеваться как ей угодно, вдали от всех назойливых свидетелей. Из этого отдельного кабинета, который себе устроила Мария Антуанетта и где она принимала свою модистку, она переходила, когда туалет был почти закончен, в покои, предназначенные для ее официального туалета. Все, кто хотел подать прошение, приходили туда».

Мода времен Марии Антуанетты, 1770-е годы

Чтобы оценить пределы этой неожиданной близости между Марией Антуанеттой и мадемуазель Бертен, надо учитывать, что одевание королевы всегда происходило согласно законам этикета. Лишь дежурные придворные дамы, находящиеся под присягой и одетые в торжественные придворные туалеты, могли оставаться в комнате и служить совместно с фрейлиной и камер-фрау. Мадам Кампен свидетельствует: «Королева уничтожила весь этот церемониал.

Когда она была причесана, она приветствовала дам, присутствующих в комнате, и в сопровождении только этих дам возвращалась в кабинет, где находилась мадемуазель Бертен, которая не была допущена в ее комнату. Именно в этом внутреннем кабинете она показывала свои новые и многочисленные украшения».

Графиня д'Адемар подтверждает: «Но поскольку мода наиболее серьезно занимала молодую королеву и высота причесок вынуждала надевать рубашку через ноги, она наконец захотела, чтобы при ее одевании присутствовала модистка мадемуазель Бертен, которую придворные дамы отказались допускать, дабы она делила с ними честь служить королеве. Туалет более не происходил в комнате королевы, и королева, приветствуя собравшихся, удалялась в свои покои, чтобы одеться».

В маленькой комнатке Версальского дворца, называемой «полуденной», во время реставрации были найдены застрявшие в полу булавки с позолоченными головками. Это послужило причиной поспешного заключения, что встречи королевы с модисткой происходили исключительно там.

Но эта комната была узкой, и неизбежно возникает вопрос: как судить о парадном платье и высокой прическе, если некуда отступить, чтобы увидеть себя в полный рост в зеркале? Возникает предположение, что через некоторое время мадемуазель Бертен для примерки переходила в комнату – достаточно было закрыть в ней двери. Об этом упоминает дама-компаньонка принцессы де Ламбаль: «Впервые кто-либо удостоился чести попасть в королевские покои, и много месяцев прошло, прежде чем Мария Антуанетта осмелилась принять свою модистку в своем отдельном кабинете».

Придворное платье, 1778

Для длительного отбора одежды в компании мадемуазель Бертен Мария Антуанетта упразднила древний этикет, который превращал утренний подъем королевы в ритуал для привилегированных. Дамы самого высокого ранга заходили друг за другом, приветствуя королеву и получая в ответ снисходительный кивок, и отходили в сторону, ожидая чести приблизиться к королеве, чтобы пролить тонкую струйку воды на руки своей государыни.

Именно от этого исключительного права никто не хотел отказаться. «Можно сказать, – утверждает мадам Кампен, – что допуск модистки к королеве вызвал бы неприятные последствия для Ее Величества. Искусство модистки, принимаемой во внутренних покоях, несмотря на обычай, который удалял оттуда всех без исключения представителей ее класса, упрощало для королевы возможность каждый день демонстрировать в своем туалете что-то новомодное. Если до этого момента королева проявляла лишь самый простой вкус в своем туалете, то теперь она начинала превращать моду в свое основное занятие». Мария Антуанетта спешно покидала самых знатных придворных дам, собравшихся в ее покоях для утреннего приветствия, чтобы поскорее рассмотреть образцы тканей, которые мадемуазель Бертен всегда приносила в красной папке. Она почти не уделяла внимания придворным дамам, чинно державшимся кружком и разодетым с раннего утра в роскошные придворные туалеты согласно дворцовому этикету, а убегала вместе со своей модисткой-простолюдинкой. Как станет понятно в дальнейшем, они подготавливали уничтожение этих самых сложнейших придворных туалетов, подобных гражданским доспехам.

Безусловно, им потребуются время и размышления, чтобы произвести переворот в моде. Подумаешь – что за важность этот старомодный, но покровительственный этикет? После разговоров о красоте Мария Антуанетта полна грез.

Стремление королевы сократить церемонию пробуждения на публике, чтобы ускорить утреннюю встречу со своей модисткой, по-видимому гораздо более важную в ее глазах, отражало ее волю к решительным изменениям удушающего этикета. Приглашая мадемуазель Бертен и закрываясь с ней для примерки туалетов, Мария Антуанетта демонстрировала неподчинение правилам, провоцировала нападки, ранее немыслимые в адрес королевы. Она устраняла сословные барьеры в обществе лишь для того, чтобы искать вместе с модисткой-простолюдинкой экстравагантные способы нравиться.

Мода времен Марии Антуанетты, 1770-е годы

Такая честь, по замечанию графини д'Адемар, немного вскружила голову мадемуазель Бертен, которая взяла привычку сообщать всем, что она «держит совет» с Ее Величеством.

Министры говорят: «Я работал с королем», она же всем сообщала: «Я работала с королевой». Это было действительно так: владелица модного магазина руководила внешним видом королевы, в ее руках находились ключи к привлекательности – инструменту власти, традиционно принадлежащему женщинам.

Такая функция позволила Розе Бертен обрести свое место в коридорах власти. Во «Всеобщем альманахе торговцев, купцов и коммерсантов Франции и Европы» за 1773 год термин «мода» определяется как «название, применяемое к некоторым товарам, чьи формы и назначение в основном подчиняются высшим велениям, но изменяются в зависимости от капризов или вкусов. Это наименование применимо в основном к изделиям, предназначенным для украшения и придания приличествующего случаю вида женщинам и даже мужчинам для определенных целей». Если будет преувеличением сказать, что эти парижские изделия служили первыми законодателями моды, то их можно, по крайней мере, рассматривать как самые надежные и быстрые средства исполнения Закона Сегодняшнего Дня.

Придворный наряд времен Марии Антуанетты, 1774–1776

В Малом Трианоне²¹ Мария Антуанетта обнародовала правила, удивительно озаглавленные для страны с салическим законом²² – «Именем королевы». Тем самым она демонстрировала свою верховную власть в этом ограниченном пространстве. Мода тоже была «Именем королевы». «Декрет», «закон», «постановление» – вся лексика, которую использовали королева и ее модистка, чтобы говорить об искусстве одеваться, принадлежит коридорам власти.

Однако со стороны королевы – да, власти, но и мадемуазель Бертен ею обладала. Конечно, власть эта была ограниченной, но вполне реальной. Вместе с Розой Мария Антуанетта правила модой, но не Францией. Она не интересовалась политикой.

Вот почему аббат Мабли²³ благословлял мадемуазель Бертен, которая отвлекала королеву от государственных иностранных дел: «Нашим министрам следовало бы вместо разглашаний о политике с иностранными державами вступать в переговоры с музыкантами, поэтами и мадемуазель Бертен. Они бы предлагали им придумывать каждый день новые праздники и новые моды, чтобы отвлекать внимание от интереса, который королева имеет к делам своего дома. Тем самым они могли бы прийти на помощь королю, которому трудно сопротивляться мольбам дорогой ему принцессы»²⁴.

²¹ Малый Трианон – небольшой дворец, расположенный на землях Версальского дворца во Франции. Спроектирован Анж-Жаком Габриэлем по приказу Людовика XV для его фаворитки маркизы де Помпадур и построен в 1762–1768 годах.

²² Здесь – запрет женщинам наследовать престол или передавать его потомкам.

²³ Мабли, Габриель-Бонно де (1709–1785) – аббат, французский просветитель и социальный философ, один из наиболее популярных и влиятельных французских писателей XVIII века.

²⁴ Полное собрание трудов аббата де Мабли. Париж, 1785, т. 13, с. 370.

Мода времен Марии Антуанетты, 1770-е годы

В 1778 году двор посвятил мадемуазель Бертен в чин министра моды. Это происходило, по свидетельству Жозефа де Местра²⁵, так: «11 апреля. Высокопоставленная дама пришла заказать мадемуазель Бертен несколько чепчиков, чтобы отправить их в провинцию. Модистка, в

²⁵ Местр, Жозеф-Мари де, граф (1753–1821) – французский (сардинский) католический философ, литератор, политик и дипломат, основоположник политического консерватизма.

элегантной кофте, полулежа в шезлонге, слегка кивает этой достойной даме вместо почтительного приветствия. Она звонит, появляется молодая красивая нимфа по имени мадемуазель Аделаида. «Дайте мадам, – говорит мадемуазель Бертен, – чепчиков месячной давности». (В те времена модели менялись чуть ли не каждый день, чепчики месячной давности считались уже залежалым товаром. – *Прим. авт.*) Дама замечает, что хотела бы более современные. «Это невозможно, мадам, – отвечает модистка. – Во время моего последнего совещания с королевой мы решили, что новые модели чепчиков появятся лишь через неделю».

И с этого времени мадемуазель Бертен стали называть не иначе как министром моды». Над создательницей моды подсмеивались, когда она высказывала непреложные истины о вкусе, но прислушивались более внимательно, чем к некоторым советам короля. «Мы получили, – возмущался Тевено де Моранд²⁶, – еще одного министра, который ни в чем не уступал ни Калонну, ни барону де Бретейю²⁷ и который не терпел никаких возражений – это была важная персона в юбке!» Не считаясь с теми, кто клеветал на нее, мадемуазель Бертен была всегда права, она проявляла упорство; ее тщеславие высмеивали, но восхищались ее искусством. Графиня д'Адемар приходит к заключению: «Эта исключительная женщина питала к королеве признательность, близкую к фанатизму. Верно, что Ее Величество осыпала ее милостями, потому что Роза организовала подготовку воцарения Марии Антуанетты, именно ей было поручено создать атмосферу постоянного восхищения при каждом появлении королевы».

Мода времен Марии Антуанетты, 1770-е годы

²⁶ Тевено де Моранд, Шарль (1748–1803) – памфлетист, проживавший долгое время в Англии, автор памфлета против фаворитки Людовика XV Дюбарри.

²⁷ Калонн, Шарль Александр де (1734–1802) – генеральный контролер финансов в 1783–1787 годах, циничный казнокрад и придворный угодник; Бретей Луи Огюст Ле Тоннелье, барон де (1730–1807), французский дипломат и министр при Людовике XVI.

Став «божественной Бертен», модистка получила такие милости, которые не соответствовали ее положению. У Башомона читаем: «31 мая 1779 года. Королева продолжает с особой изысканностью оказывать честь мадемуазель Бертен.

Она приказала маршалу герцогу Дюра найти ей место на спектакле, и вельможа согласился с этим поручением с изысканностью, способной вызвать зависть других женщин». Роза Бертен также вызывает злобу у аристократок, ущемленных тем, что их не пригласили, тогда как человеческая натура прощает лишь праздники, которыми она наслаждалась: «Появление этой женщины во дворце было событием.

Лучшее место на спектакле было предназначено этой гризетке, которую герцог Дюра провел под руку как рыцарь»²⁸.

Мадемуазель Бертен была при дворе своего рода «серым кардиналом», ее устраивала репутация значительной персоны, с которой считаются и на которую рассчитывают! Двор стремился заручиться ее благосклонностью, ибо ее хорошие отношения с королевой были всем известны. Все знали, каким доверием у Ее Величества она пользуется, и зачастую просили передать прошение.

²⁸ *Виконтесса де Пайсак Фар-Фоссландри*. Мемуары мадам виконтессы де Пайсак Фар-Фоссландри, или Воспоминания восьмидесятилетней женщины. Париж: Ледуэн, 1830, с. 62.

Придворный наряд эпохи Марии Антуанетты, 1770-е годы

Шевалье де Вилье в своем «Историческом эссе о моде» рассказывает: «Дружеская близость с королевой была сильной стороной мадемуазель Бертен. Однажды кто-то попросил ее передать прошение Марии Антуанетте, в котором он взывал к ней о протекции. “Оставьте его мне, – сказала ему модистка, – я передам Ее Величеству в Версале, когда поеду работать с ней».

Пикардийцы не забыли, как добивались ее протекции, как бы трудно им ни было в это поверить. Жан Шарль Николя Дюмон писал в 1784 году своему сыну, который в то время заканчивал учебу в Париже и искал поддержку, чтобы получить место: “Мне не кажется, что мадемуазель Бертен в состоянии расширять число своих протеже. Поэтому я полагаю, что надо

забыть об этой важной покровительнице»²⁹. Этим молодым человеком был не Андре Дюмон, самый известный член Конвента в 1794 году, а его младший брат Шарль, именуемый Дюмоном де Сен-Круа, будущий знаменитый зоолог.

Существует доказательство содружества мадемуазель Бертен и королевы, которое пережило свое время. Речь идет о двух уборах: один для Святой Девы, а другой для Младенца Иисуса.

Они сохранились до сих пор и находятся там, куда королева и ее модистка пожелали их поместить, – в часовне Нотр-Дам де Монфлиер, расположенной неподалеку от Абвиля в Пикардии.

В 1778 году Мария Антуанетта ждала своего первенца. В период семилетнего вынужденного целомудрия и ожидания того, когда она станет женой своего мужа, ей пришлось вынести много насмешек со стороны двора³⁰. Она тем более страдала, понимая, что первая обязанность королевы Франции – это обеспечить наследника престола. Поэтому рождение ребенка было для нее чрезвычайно важным событием. Однажды во время примерки мадемуазель Бертен, почувствовав ее беспокойство, заговорила с ней о Святой Деве в часовне. С 1599 года статуя Мадонны привлекала к себе окрестных жителей, которые приписывали ей чудодейственные свойства.

Набожные бенедиктинки из аббатства Бертокур, которому принадлежала часовня, одаживали ее Ассоциации дам Абвиля, и те традиционно в первый вторник после 15 августа приходили, чтобы засвидетельствовать свое почтение Мадонне. Вслед за ними все девочки из окрестных мест отправлялись в это паломничество, так делала в прежние времена и маленькая Роза вместе со своей матерью и сестрами.

²⁹ См. отрывок, опубликованный Людовиком Дамасом Фруассаром в: Андре Мари Констан Дюмериль, врач и натуралист. 1774–1860. Париж: Albin Michel, 1984, с. 10.

³⁰ Фактически после их бракосочетания в 1770 году брак не был осуществлен – дофин страдал от фимоза, и ему требовалась хирургическая операция обрезания, на которую Людовик долго не мог решиться. Лишь через семь лет, после того, как брат Марии Антуанетты император Иосиф специально приедет в Париж, чтобы склонить зятя к операции, Людовик даст на нее согласие.

Портрет дамы с ребенком. Фрагмент. Худ. Ф. Мерсье, 1780

Возможно, когда она еще в детстве погружалась в тишине в духовное созерцание Святой Девы, всегда наряженной в подаренные ей роскошные одежды, в ней и зародилось ее грядущее призвание.

Модистка посоветовала королеве попросить для будущего ребенка покровительство Монфьерской Девы при рождении, подарив ей подарок – убор, один для Девы, другой для Младенца Иисуса. Сказано – сделано. Была выбрана золотая ткань для одного платья за 500 ливров. Мадам Мерис из Абвиля, вдова Сюзелье, дала кружево для отделки – на сегодняшний

день у обоих одеяний кружева нет, поскольку очень вероятно, что речь шла о фате Девы, которая с тех пор исчезла. Размеры одеяний были 78 и 37 см, и золотое шитье ткани объясняет их сохранность. Туалет, созданный мадемуазель Бертен, был надет на Деву впервые 25 марта 1779 года, в день храмового праздника, во время благодарственного молебна по случаю появления на свет 19 декабря 1778 года Марии Терезы Шарлотты Французской. Этот ребенок, вверенный под покровительство Святой Девы, станет царственной сиротой Тампля³¹, будущей герцогиней Ангулемской.

Мария Тереза Французская, 1827.
Музей Лувр, Париж

³¹ Автор имеет в виду, что принцесса Мария Тереза провела в Тампле три года перед отправкой в изгнание.

Конечно, королевские одеяния были совсем другими, но исключительная ценность этих уборов, почитаемых населением и религиозными верованиями, состоит в том, что они пережили века. Из королевских костюмов, в том числе тех, что были сшиты мадемуазель Бертен, больше ничего не сохранилось.

В очень редких случаях можно лишь строить предположения о принадлежности некоторых нарядов, но все они ненадежны.

Как же судить о моде мадемуазель Бертен? Достаточно посмотреть на портреты Марии Антуанетты во времена ее царствования: она на них практически всегда одета своей излюбленной модисткой.

Таким образом, мадемуазель Бертен затмила всех других модисток королевы. Единственной, кто частично устоял, была мадам Помпей, обосновавшаяся на улице Оранжери в Версале. Она занимала второе место после мадемуазель Бертен из поставщиков модных товаров двору, но осталась далеко позади. Цифры категоричны: в 1785, 1787 и 1788 годах расходы на гардероб королевы от мадемуазель Бертен составляли соответственно 91 947, 60 225 и 61 992 ливров, в то время как на наряды от мадам Помпей – 25 527, 25 248 и 16 691 ливров. На один туалет, который Мария Антуанетта покупала у мадам Помпей, приходились три, которые королева приобретала у Розы Бертен. И с каждым годом положение Помпей при дворе становилось все менее прочным. Модистка с улицы Сент-Оноре обладала таким современным чутьем, что делала устаревшим все, производимое на улице Оранжери.

Мария Антуанетта в платье от Розы Бертен, 1770-е годы

Со временем королева все меньше обращалась к жительнице Версаля и все чаще к парижанке, в чем обнаруживались культурные силовые линии между Двором и Городом³².

³² Мария Антуанетта сделала Трианон своей резиденцией. Она удалялась туда от стесняющего ее версальского этикета с немногими избранными.

Уточним, что определенным весом обладала еще мадам Элофф, племянница Помпей. Но она появилась слишком поздно – с приближением Революции, и объемы ее поставок для королевы были невелики. Зато главной ее заслугой было ведение записей в так называемой журнальной книге, которую опубликовал граф Рейсет³³. Роза Бертен тоже вела подобную книгу, о которой известно, что она была переплетена в зеленую кожу. Однако она до сих пор не найдена и, по-видимому, не сохранилась.

Современниками упоминаются и несколько других поставщиков. Например, мадам Амель с улицы Руль в Париже, продавщица модных изделий и украшений, которая поставляла королеве ленты; мадам Бертело с улицы Ферронери в Париже, поставщица блондов³⁴ и вееров. Другие получали заказы для нужд благотворительности, как, например, господин Ренуар-младший с улицы Бург-л'Аббе в Париже. Стоимость заказов, которые были им получены, смехотворны: в среднем по 400 ливров каждый (такова была цена одного городского платья у мадемуазель Бертен). Доходы мадам Амель были побольше, но составляли максимум 5000 ливров (цена одного-единственного пасхального «парадного одеяния» у мадемуазель Бертен).

В 1788 году некоторого успеха добилась мадемуазель Госсет с улицы Сент-Оноре, которая в том же году поставила ленты для шляпы королевы на 36 ливров.

Больше всего записей в журнале относятся к мадемуазель Бертен, тем не менее она не пользовалась этим, чтобы продавать свои изделия по тройной цене. Цены у мадам Помпей близки к ценам мадемуазель Бертен, о чем свидетельствует счет, сохранившийся в Национальных архивах: за наряд для представления, который модистка из Версаля доставила 20 февраля 1785 года принцессе де Тальман, она получила 2080 ливров.

Основная же часть модного бюджета Марии Антуанетты доставалась мадемуазель Бертен прежде всего благодаря количеству заказов, которые она ей делала.

³³ Граф де Рейсе т. Мода и обычаи во времена Марии Антуанетты. Журнальная книга мадам Элофф. Париж, 1885.

³⁴ Блонды (от *фр.* blonde – белокурая) – очень дорогое плетеное кружево из шелка-сырца цвета слоновой кости.

Глава V

И в театре, и в жизни

Мадемуазель Бертен сразу поняла выгоду, которую ей давало столь блестящее покровительство королевы.

На этих особых отношениях она построила свою репутацию первой модистки королевства, что распахнуло ей двери всех знатных домов. Вскоре все, кто имел вес во Франции Людовика XVI – и потомственная аристократия, и богачи, и знаменитости, – стали одеваться у мадемуазель Бертен.

Об этом свидетельствует документ, сохранившийся в Национальных архивах, озаглавленный «Список в алфавитном порядке всех лиц, которых наследники Бертен считают должниками, лиц, наследующих после м-ль Марии Жанны Бертен по неоплаченным счетам, занесенным в книгу записей и в главные книги, а также в соответствии с учетными документами». после ее кончины. Конечно, чтобы точно определить численность ее клиентуры, нужно знать количество оплаченных счетов, но и этот перечень потрясает – тысяча двести шестьдесят имен!

Есть от чего вскружиться голове! Действительно, мадемуазель Бертен была поставщицей Марии Антуанетты, но она обслуживала и других членов королевской семьи: графиню Прованскую (супругу будущего Людовика XVIII), графиню д'Артуа (супругу будущего Карла X), мадам Элизабет (сестру Людовика XVI), мадам Рояль (старшую дочь Людовика XVI), дофина и герцога Нормандии (сына Людовика XVI).

Список бывших клиентов мадемуазель Бертен, составленный в 1820 году, весьма поучителен. Интересен не тот факт, кто в нем фигурирует, но скорее кого там нет. Самые древние знатные семьи стремились попасть в круг ее клиенток – это была буквально лавина герцогинь, маркиз, графинь и виконтесс. Можно также насчитать нескольких «президентш» и «интендантш», много «маршалыш» и так далее и тому подобное. Всех даже упомянуть невозможно!

Роза Бертен поставляла свои изделия примадоннам театра и балета (таким как Анселен, Арну, Дюбуа, Дюпар, Гимар, Жюли, Селен), а также танцовщику Вестрису из Оперы³⁵. Среди ее клиенток были звезды из «Комеди Франсез», «Гранд-опера» и так далее.

«Великий Могол» одевал артистов как в жизни, так и для сцены. «Попросили мадемуазель Бертен изготовить драпировку для Геракла», – отмечала мадам Неккер в своих мемуарах «Мешанина».

³⁵ Вестрис, Газтано (1729–1808) – знаменитый хореограф и танцор итальянского происхождения. Его успех был столь феноменальным, что его прозвали «богом танца». Был актером парижской Национальной оперы, танцмейстером и учителем танца французского короля Людовика XVI.

Мода времен Марии Антуанетты, 1780-е годы

Когда К. Глюк писал «Армиду», эту роль он доверил мадам Сент-Юберти, первой певице из «Гранд-опера». По предложению Марии Антуанетты мадемуазель Бертен, по свидетельству дамы-компаньонки принцессы Ламбаль, получила заказ на изготовление для нее полного сценического костюма. Мария Антуанетта, вероятно, была более щедрой по отношению к этой актрисе, чем к кому-либо другому. Она часто оплачивала ее значительные долги, «исходя из того, что мадам Сент-Юберти никогда не играла на сцене королеву, не выставив напоказ в ее нарядах поистине королевское великолепие». Папиллон де ла Ферте, чья супруга тоже была клиенткой мадемуазель Бертен, отмечает в своем дневнике, что по требованию Людовика XVI наряды дам и господ, участвующих в кадрили на личном балу королевы, устроенном 22 февраля 1778 года, будут оплачены из личной казны короля. И при этом интендант вздохнул: «Наряды, изготовленные мадемуазель Бертен, были найдены не слишком восхитительными. Но тем не менее мы за них не будем платить меньше, что касается и всех других расходов на этот бал»³⁶.

³⁶ Дневник Дени Пьера Жана Папиллона де ла Ферте. Париж: П. Оллендорф, 1887, с. 416.

Мода времен Марии Антуанетты, 1770-е годы

Прославленный в то время актер Флёри, упоминая о мадемуазель Рокур³⁷, не менее знаменитой актрисе, вспоминает, что «известная мадемуазель Бертен не поскупилась богат-

³⁷ Рокур, сценическое имя Франсуазы Марии Антуанетты Сосрот (1756–1815) – знаменитой французской актрисы и куртизанки.

ством своего воображения, чтобы найти туалет, который бы напомнил империю новой богини; поскольку обычай носить перья уже прошел, она придумала элегантную прическу, которую назвала прической "а-ля Рокур", отличающуюся красивой маленькой корзинкой с отверстиями, украшенной цветами»³⁸

³⁸ Жозеф Абраам Флери. Мемуары о «Комеди Франсез», 1757–1820. Париж: А. Дюпон, с. 61.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.